

Когда больше не значит лучше

Dirk Philipsen

The Little Big Number

How GDP Came to Rule the World and What to Do about It

Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2015, 416 pp., \$29.95 (cloth).

ВВП сейчас не в фаворе в определенных кругах. Некоторые защитники окружающей среды подвергают сомнению саму идею того, что экономический рост, измеряемый с помощью ВВП, должен иметь приоритет. Другие утверждают, что срочно необходим более широкий взгляд на то, что именно считать прогрессом. Глобальный финансовый кризис, изменение климата и повышенное внимание к проблеме неравенства способствовали возрождению интереса к альтернативным способам измерения состояния экономики.

В связи с этим многим читателям понравится полемический тон книги «Маленькое большое число» (*The Little Big Number*). Она рассказывает об истории ВВП, о его недостатках как показателя общественного благосостояния и об экологических последствиях стремления к непрерывному экономическому росту. Ее содержание в чем-то пересекается с рядом других книг, таких как написанная с аналогичных критических позиций книга «Валовая внутренняя проблема» (*Gross Domestic Problem*) Лоренцо Филорамонти и, с более взвешенных позиций, — моя собственная «ВВП: краткая история, рассказанная с любовью» (*GDP: A Brief but Affectionate History*) и «Опережающие индикаторы» (*The Leading Indicators*) Зэки Карабеллы.

Книга Дерка Филипсена описывает некоторые дополнительные исторические подробности, но в целом она довольно эмоциональна. Есть там, к примеру, такие утверждения: «Можно с уверенностью говорить о том, что в течение примерно двухсот тысяч лет до сельскохозяйственной революции наши предки занимались трудовой деятельностью лишь в той мере, в которой она позволя-

ла им выживать». Неужели? А как быть с наскальной росписью, древними ювелирными украшениями, религией? Или, из-за нашей «одержимости накопительством вещей», попытки отразить реалии жизни конца XVIII века «рассказами о том, что люди были бедными, представляли бы собой фундаментально неверное толкование». Но разве эти люди не питались хуже нас, не болели больше и не жили меньше, а многие дети не умирали в младенчестве? Разве женщины (и даже мужчины) не тратили долгие часы на тяжелую работу по дому? У меня не вызывает сомнений, что на этом основании люди конца XVIII века были бедными; это никак не связано со страстью к коллекционированию новых автомобилей или сумок. Мне не нужно больше одной стиральной машины, но без одной я не проживу.

«Маленькое большое число» определяет поворот от уровней национального дохода к росту как цели политики в 1950-х годах. Филипсен видит причину этого в оптимизме американских победителей во Второй мировой войне. Возможно, свою роль сыграли и назревавшая «холодная война», и необходимость снова и снова демонстрировать превосходство американской системы над советской. Джефф Тили находит первое официальное упоминание таргетирования роста в одном из документов Организации экономического сотрудничества и развития за 1961 год — спустя довольно длительное время после окончания Второй мировой войны.

Во второй части книги описывается дискуссия о том, что можно предложить «после ВВП», и делается спорный вывод, что никто не уделял особого внимания ограниченному характеру нашего традиционного экономического показателя в период между убийством Роберта Кеннеди и слушаниями в Конгрессе 2001 года. Такой подход ставит во главу угла США, в то время как глобальное экологическое движение поддерживало огонь в светильнике для поиска альтернативных вариантов в течение всего этого периода.

Филипсену нравятся такие показатели, как Индекс глобального прогресса. Они свидетельствуют о том, что в 1970-е годы прогресс полностью застыл. Это мне всегда казалось абсурдным: даже если 1970-е и стали настоящим поворотным пунктом в смысле ущерба для окружающей среды, которая традиционно имеет солидный вес в структуре подобных альтернативных индексов, с тех пор многое было сделано в плане повышающих благосостояние инноваций и роста как такового. Речь идет не только об изобретении противоракового лекарства тамоксифен или интернета, но и о том факте, что все боль-

ше людей на Западе живут в домах с телефонами, санузлами и центральным отоплением. Естественно, без экологических издержек не обходится, но разве это не прогресс? Не интересует Филипсена и проблематика измерения рыночного объема производства либо общественного благосостояния для растущей категории цифровых товаров, которые часто бесплатны и обладают ярко выраженными характеристиками общественного блага.

Книга выступает за полный отказ от использования ВВП и за национальный диалог об экономических ориентирах на основании принципов устойчивости, справедливости, демократической подотчетности и экономической жизнеспособности. Непонятно, как этот рецепт увязывается с рядом описываемых в книге осуществляемых в настоящее время инициатив «приборных панелей». Будучи названы так в честь используемых многими компаниями приборных панелей индикаторов, они включают в себя определенное число показателей, призванных отразить общественное благосостояние в более широком смысле, включая баланс между работой и личной жизнью, качество окружающей среды и гражданскую активность. Они были рекомендованы влиятельной Комиссией Стиглица–Сена–Фитусси в ее докладе 2009 года.

Подход «приборной панели» привлекателен, как привлекательны и общественные консультации. Однако пока неясно, какая приборная панель лучше других и из чего именно она должна состоять.

Так что на самом деле для создания комплекта социальных счетов «помимо ВВП» сейчас требуется кропотливая работа вроде той, которой предшественники и создатели современной системы национальных счетов Саймон Кузнец, Ричард Стоун и Джеймс Мид с их многочисленными коллегами занимались в 1930-е и 1940-е годы как раз для создания показателя ВВП.

Для налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики необходима некая номинальная агрегированная мера деятельности. Статистика национальных счетов в целом также содержит много материала, который мог бы составить значимую приборную панель, так что отказ от всего этого опять же был бы расточительством интеллектуальных ресурсов. Однако ответ на ключевой вопрос о том, предстоит ли нам переход к реальности «помимо ВВП», представляет собой уверенное «да».

Дайен Коил,
профессор экономики Университета
Манчестера и автор книги
«ВВП: краткая история,
рассказанная с любовью»

Человек в экономике

Richard Thaler

Misbehaving

The Making of Behavioural Economics

W.W. Norton & Company Inc, New York, 2014, 432 pp., \$27.95.

С точки зрения поведенческой экономики мир населен человеческими существами, а не «экономиями», если пользоваться термином, обретшим популярность после публикации книги Ричарда Талера и Кэсса Санстейна «Толчок к правильному выбору» (*Nudge*) — основополагающего научного труда в данной области. Сейчас у Талера вышла новая книга на эту же тему, но на этот раз он описывает свою борьбу за признание бихевиористских подходов профессиональным сообществом экономистов. В результате получилась очень человеческая книга, начиная с трогательного посвящения Амосу Тверскому, чья совместная с Дэниелем Канеманом работа, несомненно, принесла бы ему Нобелевскую премию, если бы он не погиб трагически в возрасте 59 лет.

Раскрою все карты: я работал вместе с Талером, когда правительство Великобритании создавало первую значительную «толчковую единицу» для тестирования бихевиористских концепций. Мне он импонирует и как человек, и как мыслитель: когда я пригласил его в паб в Лондоне, мы говорили о том, не приводит ли британская привычка покупать выпивку по очереди, когда каждый платит за всех, к чрезмерному потреблению алкоголя.

Книга читается весьма легко, но при этом представляет собой серьезное исследование поведенческой экономики в качестве примера смены парадигмы, как предлагает Томас Кун в своей «Структуре научных революций» (*The Structure of Scientific Revolutions*). Дебаты в Университете Чикаго и за его пределами явно были ожесточенными, порой с переходом на личности. Талер описывает свою собственную карьеру как борьбу с преобладающей ортодоксальной моделью «раци-

онального выбора». В книге перечисляются «аномалии» — факты, которые вроде бы противоречат рациональной модели, из таких далеких друг от друга сфер, как игровые шоу и пенсионные накопления. Многие экономисты явно не оказали этим фактам теплый прием. Талер рассказывает о том, как его подвергали резкой критике на семинарах, когда оппоненты говорили, что приводимые им данные неактуальны, поскольку все равно можно допустить, что люди ведут себя так, «как если бы» они следовали модели рационального выбора. Его истории свидетельствуют о том, что многим «экономам» не чуждо весьма человеческое стремление к подтверждению другими своей точки зрения, что неудивительно с учетом того радикализма, с которым бихевиористские идеи бросают вызов традиционным теориям.

Аномалии Талера убедительно не оставляют камня на камне от старых подходов, но что должно занять их место? Предполагается, что наши модели должны основываться на допущениях, согласующихся с тем, как человеческие особи ведут себя на самом деле. Настоящий успех поведенческой экономики заключается в том, что она заставляет правительства пересматривать меры своей политики и изменять способы, которыми они проводятся в жизнь. Благодаря бихевиористским идеям больше людей сейчас становятся донорами органов в Бразилии, платят налоги в Гватемале, не мусорят в Дании, используют презервативы в Кении и делают пенсионные накопления в Индии, США и Великобритании. Это обширный, впечатляющий и постоянно растущий список. Разумеется, книга не совершенна: в конце концов, Талер — тоже человек. Он не уделяет большого внимания тем, кто работает вне американских университетов. Во многих отношениях Талер — традиционный экономист, что не должно удивлять с учетом того, сколько времени он провел на американских экономических кафедрах. Более того, в мою бытность исполнительным директором МВФ и Всемирного банка в тамошних экономистах меня больше всего раздражало то, что, несмотря на все свое разнообразие, все они получили подготовку в американских университетах, где их научили думать одинаково. В книге вы не найдете упоминаний об Университетском колледже, лондонском Центре изменения поведения или Центре поведенческой экономики Национального университета Сингапура. Я также хотел бы узнать больше о философских проблемах: балансе между либертарианскими и патерналистскими аспектами, освещенными в первой книге Талера. Несмотря на весь свой прагматизм, Талер не горит желанием обсуждать показатели субъективного благосостояния.

Талер приложил большие усилия к тому, чтобы сделать свою книгу удобоваримой по размеру, что, к сожалению, означает, что некоторые другие интересные темы были обойдены вниманием — такие, как вопросы практического применения в политике развития, затронутые, например, в «Экономике бедных» (*Poor Economics*) Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло и в «Докладе о мировом развитии 2015 года» (*2015 World Development Review*) Всемирного банка. Не считает он нужным уделять внимание и практическим аспектам проверки бихевиористских идей. Теории не настолько точны, чтобы дать нам понять, что и как работает в различных ситуациях и контекстах, поэтому тестирование имеет первоочередное значение. Джозеф Хенрих, Стивен Дж. Хайне и Ара Норензаян указывают, что практически все исследования в области психологии проводятся на небольшой выборке людей из культур, которые являются западными, образованными, индустриализованными, богатыми и демократическими — то есть «странными» (*WEIRD*), если использовать предложенную ими завораживающую аббревиатуру из первых букв соответствующих английских слов.

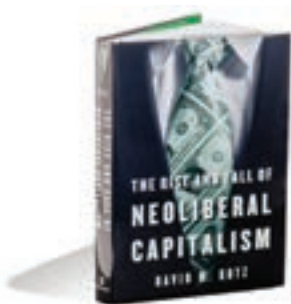
Соответственно, глобальным организациям следует проявлять осторожность в применении таких данных к другим культурам. Я протестировал это на одной из своих лекций в Австралии, показав аудитории сообщения, которые британская «толчковая» команда использовала для побуждения людей к тому, чтобы становиться донорами органов. Сообщение, которое австралийцы сочли самым убедительным, отличалось от того, которое было получено с помощью рандомизированных исследований в Великобритании. Хотя австралийская аудитория и была довольно «странный», но она явно отличалась от британской.

У Талера есть послание к МВФ: хотя есть много возможностей для применения бихевиористских подходов к фискальным проблемам — например, повышению собираемости налогов, — поведенческим экономистам следует переходить от мира микроэкономики к макромиру. Этот скачок отражает осознание того, что политикам, бюрократам, менеджерам, работникам — и даже персоналу международных учреждений — ничто человеческое не чуждо. Рецепты политики, которые предполагают нечто иное, могут сильно сбить нас с пути. По моему мнению, непрочтение этой книги определенно должно считаться плохим поведением.

Гас О'Доннелл,

независимый председатель *Frontier (Europe)* и бывший Секретарь кабинета министров Великобритании

Потерянный рай?

David Kotz

The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism

Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 2015, 270 pp., \$39.95 (cloth).

Худший вид ностальгии — это тоска по временам, которых никогда не было. Началось все с Библии — см. рассказ об Эдеме. Голливуд подхватил эстафету своими фильмами о Диком Западе. Экономист Дэвид Котц вносит свой вклад в этот жанр своей книгой «Взлет и падение неолиберального капитализма» (*The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*). Это экономическая история периода после Второй мировой войны, когда, если верить Котцу, капитализм был мягче, гуманнее и регулировался намного лучше.

Та форма капитализма, которая, как считает Котц, господствовала с окончания войны до начала 1980-х годов, была полна противоречий. Он утверждает, что, хотя налоги тогда были выше, люди зарабатывали больше и экономика росла быстрее. Хотя торговля была более ограничена, компании процветали. Хотя свободное ценообразование на многие товары не позволялось (цены могли устанавливаться согласно правилам «справедливой торговли»), люди сберегали больше. Хотя комиссионные на Уолл-стрит были фиксированными и превышали сегодняшние средние значения, на финансовый сектор приходилось гораздо меньшие доли ВВП и прибылей, чем сейчас.

Котц пишет, что между работниками и работодателями существовала гармония, а у профсоюзов было место за столом переговоров. (Однако где-то под автостоянкой или футбольным стадионам покоится тело пропавшего без вести профсоюзного лидера Джимми Хоффы, который многое мог бы рассказать о том, насколько гармоничными были отношения труда и бизнеса.) Экономическое добродушие и гармония 1950-х, 60-х и 70-х годов было отличительной чертой послевоенного капитализма, — утверждает Котц.

В версии истории по Котцу благосостояние каждой группы, кроме того самого одного процента, росло день ото дня. Но Котц не упоминает о том, что происходило с окружающей средой или как обстояли дела с безопасностью на рабочем месте до создания Управления по охране труда Министерства труда и Агентства по охране окружающей среды США. Не пишет он ни про здравоохранение, ни про сегодняшние провалы в медицине, фармацевтике и науке. Котц также обходит молчанием инновации. Эта книга — об экономике; она не о бизнесе.

Финансы он также пролетает галопом. Когда же он все-таки бросает на них взгляд, то взгляд этот в основном негативный — например, когда он рассматривает ипотеку и особенно шумную историю с Countrywide — крупнейшим до кризиса с недвижимостью ипотечным кредитором жилья.

Проблема с книгой Котца заключается в том, что никто точно не знает, верен или нет его контринтуитивный тезис о том, что когда капитализм регулировался более жестко, он был более энергичным. В цифрах, которые Котц приводит в обоснование своих доводов, много шума. Например, он пишет, что с 1948 по 1973-й год ВВП рос в среднем на 4 процента, а с 1973 по 2008-й год рост замедлился до 3 процентов. Это снижение темпов означает для Котца, что капитализм был более успешным, когда он сдерживался более жесткими правилами и регулированием. Вопреки мнению многих экономистов, «Новый курс» и послевоенное регулирование отнюдь не замедлили рост, а, наоборот, ускорили его. Его посыл состоит в том, что капитализм функционирует лучше всего тогда, когда его руки связаны.

По Котцу, глобальный рост следовал в основном по той же траектории. Он утверждает, что глобальное замедление стало результатом усиления конкуренции в капиталистической системе (которая стала еще более беспощадной), и после того, как регулируемые цены сменились рыночными, эта обострившаяся конкуренция стала сдерживать рост. Неужели?

Я считаю другие тезисы о характере роста в эти периоды гораздо более убедительными. Например, в 1950-е и 60-е годы экономика росла энергично, потому что мир все еще восстанавливался после войны. Кроме этого, жилищное строительство испытывало взрывной рост в связи с бумом рождаемости. Как мы знаем, продажи жилья оказывают мощное воздействие на экономику, поскольку владельцы домов имеют тенденцию заполнять свои новые жили-

ща всякой всячиной — от мебели до посудомоечных машин и холодильников.

Инвестиции в крупные проекты — инфраструктуру, жилье и т. д. — оказывают

Ключевой вопрос в том, чем нынешняя форма капитализма отличается от той, которая существовала по окончании Второй мировой войны.

одни из самых сильных и продолжительных эффектов экономического мультипликатора, и эти эффекты были особенно благоприятны для молодых людей мужского пола без трудовых навыков, стоявших перед дилеммой: поступать в колледж по Закону о правах военнослужащих либо приобретать профессию каким-либо другим путем. В своей совокупности крупные инфраструктурные проекты приводили не только к созданию рабочих мест, но и к дефициту рабочей силы. Этот дефицит способствовал повышению заработной платы и увеличению сбережений.

В книге поднимается ключевой вопрос о том, чем нынешняя форма капитализма отличается от той, которая существовала по окончании Второй мировой войны. Это интересный вопрос, на который вполне возможны и контринтуитивные ответы, но доводы Котца не убеждают. Он просто не приводит доказательств того, что страны с жестко регулируемой экономикой чувствуют себя здоровее, растут быстрее и удовлетворяют потребности людей лучше, чем страны с более свободными формами капитализма.

Я разочарован. Эта книга выглядит как проект, который был начат, когда мир склонялся в одну сторону, а закончен, когда он уже склонялся в другую, и Котц не включил эти изменения в свою книгу. Другими словами, описанного Котцом (с такой степенью ностальгии, на какую только способен экономист) периода жесткого регулирования, быстрого роста и гармонии на самом деле никогда не было.

Джозел Курицман,

старший научный сотрудник

Института Милкена

и Центра продвинутых исследований

в области управления SEI

Уортонской школы бизнеса